

МОЖНО ЛИ БЫЛО СПАСТИ ПУШКИНА?

Все ли сделали врачи, оказывавшие последнюю помощь раненному после дуэли русскому гению?

В литературе и в прессе не раз выдвигались обвинения против врачей, лечивших поэта. Доктор медицинских наук Андрей АРЕНДТ вступился за честь своего прадеда, который врачевал Пушкина.

«Пушкинская комиссия при Академии наук СССР оказала мне честь, предложив выступить с докладом на сегодняшнем торжественном заседании, посвященном столетию со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Эту честь я должен приписать в значительной степени тому обстоятельству, что руководящим лицом при лечении Пушкина был мой прадед Арендт. Кроме того, моя профессия и моя специальность та же, что и моего прадеда, и это дает мне возможность выступить сегодня перед вами с нашей интерпретацией тех хирургических мероприятий, которые были проведены...», - такими словами начал доктор медицинских наук Андрей Андреевич Арендт свой доклад в Академии наук СССР на сессии, посвященной столетней годовщине со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина.

Но прежде чем рассказать об этом выступлении выдающегося отечественного хирурга, напомним о некоторых обстоятельствах, предшествующих этому событию. Как известно, в 1937 году страна широко отмечала печальную дату - столетие со дня трагической кончины Александра Пушкина. Снова и снова в печати обсуждались обстоятельства его дуэли с Дантесом, процесс врачевания и последние минуты пребывания гения на нашем грешном свете. В периодической печати стали выдвигаться обвинения против врачей, лечивших поэта. Они, дескать, ничего не делали, а то многое, что предприняли, не помогало раненому, а лишь ускорило его кончину. Напомню, что разговоры эти велись в известном своим событиям году, и, как правило, они могли иметь печальные последствия. В данном случае для видного отечественного хирурга Андрея Андреевича Арендта, прадеда которого и врачевал Пушкина.

Трудно сказать, как лучше было поступить в то время: промолчать и сделать вид, что обвинения его не касаются, или попытаться доказать несправедливость обвинений, выдвинутых против родственника. Андрей Андреевич решил вступить за честь прадеда. Он обратился к своему руководителю - директору Центрального нейрохирургического института Николаю Ниловичу Бурденко с просьбой пред-

ставить отпуск и, получив его, уехал в Лен.

...Работа в архиве дала много интересного материала, в анализе которого Андрей Андреевич опирался на помощь Николая Ниловича Бурденко. Они пришли к выводу, что врачи, оказывавшие последнюю помощь русскому гению, действовали грамотно и полностью использовали возможности тогдашнего здравоохранения. Пушкина лечили несколько врачей, и каждый из них являлся профессионалом высокого класса. И. Буш, к примеру, заслужил славу создателя «первой большой хирургической школы», он первым ввел правило, согласно которому каждый студент во время прохождения курса обязан был произвести 4 операции. Его ученик Саломон имел европейскую известность. Он провел 411 (!) операций, большинство которых имели благоприятный исход. Еще один врачеватель Пушкина - Буяльский был автором 115 печатных работ, часть из которых была переведена на немецкий язык. Он изобрел некоторые хирургические инструменты, свой способ бальзамирования...

И наконец о прадеде на-

шего героя - Николае Арендте. Об этом человеке хотелось бы рассказать подробнее.

Предки Николая Федоровича переселились в Россию из Польши еще при Петре I. Его отец - известный лекарь екатерининского времени жил в Казани, где в 1785 году родился Николай Федорович. В 20 лет блестяще окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. Уже в 1806 году он участвует в походах против французов и в дальнейших многочисленных войнах проявляет себя как искусный врач, смелый хирург и блестящий организатор. В 30 лет его назначают главным хирургом русской оккупационной армии во Франции!

В 1821 году Арендт утверждается в звании «доктора медицины и хирургии за усердную службу и совершенные познания медицинских наук, оказанные им в многократных труднейших операциях». Он, кстати, получил это звание без каких-либо экзаменов, награда, не имевшая прецедента в истории русской медицины. После окончания военной службы Николая Федоровича назначили главным врачом Санкт-Петербургского отдела общественного призрения.

В ряде литературных источников того времени - «Северной пчеле», «Отечественных записках», «Русском архиве», «Русской старине» - хранятся воспоминания современников о докторе Арендте. Булгаков, Вяземский, Хомяков и другие характеризуют его как «смелого решительного хирурга», «лучшего оператора своего времени», «прямого и открытого» человека, «отзывчивого и благороднейшего».

Характерную фигуру Арендта в форменном сюртуке с Владимиром на шее можно тогда было встретить у постели каждого тяжело больного в Петербурге. Он подолгу склонялся и над раненым Пушкиным, когда принял на себя главное руководство его лечением».

...Пушкин был ранен в половине пятого 27 января. Это было слепое ранение пистолетной пулей в правую половину живота. Вначале он падает, но через несколько мгновений приподнимается, опирается на левую руку и, полулежа, стреляет в противника, после чего впадает в полубессознательное состояние. Вторичная потеря сознания, вероятно, связана с потерей крови. Пушкина перевозили по тряской дороге, в непригодных санях в течение полутора часов. В дороге рана кровоточила, в животе ощущалась жгучая боль, тошнило. Несколько раз наступало обморочное состоя-

ние. Примерно в 6 часов его внесли в дом и уложили на диване в кабинете.

Где-то через час состоялся врачебный осмотр. Вначале это проделали акушер Шольц и хирург Задлер, а затем приехали Саломон и Арендт. Рану исследовали зондом, пулю не нашли, и консилиум установил, что пуля проникла в брюшную полость, что рана опасна для жизни и что положение Пушкина безнадежно.

Исследование Андрея Андреевича убедительно свидетельствует, что прадед и его коллеги полностью использовали весь небогатый арсенал тогдашней медицины: лечили поэта опиумом, лавровишневой водой, касторовым маслом, ставили очистительные клизмы, пиявок. Но несмотря на все их старания, 29 января в 2 часа 45 минут наступила смерть.

Андрей Андреевич отдельно остановился на тех «возражениях медицинского характера», которые выдвигались врачам, лечившим Пушкина, и в первую очередь его прадеду.

Николаю Федоровичу ставилось в упрек то, что у постели раненого он не проявил присущей ему активности и изобретательности. Но что мог изобрести Арендт при лечении раненого в живот, когда на полях сражений он видел сотни таких же раненых, которые практически все умирали? Брюшную полость тогда не оперировали, и на врача, по словам одного немецкого хирурга, «лежала только тяжелая задача - наблюдать процесс смерти».

Арендту вменяли в вину, что он не распознал повреждение крестца. Однако задача эта в тот период времени была крайне сложна. Жесткие боли, которыми страдал Пушкин, связаны были с развившимся перитонитом, с одной стороны, с другой же стороны, они могли усугубляться от наличия повреждения крестцово-подвздошной области, и не столько самой кости, сколько от повреждения нервного сплетения тазовой области. Но если бы это и было установлено, то все равно несколько не изменило бы предпринятого лечения.

Примененная Пушкину терапия: холод на живот вначале и припарки при развитии воспалительного процесса, опиум, каломель с белейной была обычной по тому времени. Целесообразность применения этих средств даже через 100 лет ни у кого не вызывала сомнения.

Врачи же, заключил Андрей Андреевич, сделали то, что смогли сделать! И этот вывод доктора медицинских наук уже никто не оспаривал.

Владимир ГАЛАЙКО

9116 верная, 13-2000-28 февр. - 19

Пушкин А.С.

28.2.02